

О НЕДАВНИХ РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ РАБОТ СОЛОМОНА МАЙМОНА

А. Б. Паткуль¹

Рец. на кн.: Маймон С. Философские труды.
Т. 1: Опыт о трансцендентальной философии /
пер. с нем. Г. Гимельштейна, И. Микиртумова;
под общ. ред. А. Иваненко;
Набег на область философии /
пер. с нем. А. Иваненко.
СПб. : ИЦ «Гуманитарная академия», 2017. 499 с.
(Наследие Соломона Маймона; кн. II).

В минувшем году петербургское издательство ИЦ «Гуманитарная академия» выпустило в свет книгу, в которую вошли переводы, пожалуй, ключевых работ Соломона Маймона (ок. 1753–1800) в области теоретической философии. Издание снабжено информативной, но при этом не страдающей избыточным объемом вступительной статьей А. А. Иваненко, озаглавленной «Скептик Соломон Маймон». Перевод знаменитого «Опыта о трансцендентальной философии» (*Versuch über die Transcendentalphilosophie*) выполнен Г. Гимельштейном и И. Микиртумовым под редакцией А. Иваненко, перевод менее известной работы «Набег на область философии» (*Streifereien im Gebiete der Philosophie*) сделан А. Иваненко. В целом переводы выполнены на высоком уровне, делая доступной сравнительно широкому кругу читателей нетривиальную мысль Маймона.

Данная книга заявлена как вторая в серии «Наследие Соломона Маймона». Наряду с указанным изданием в данной серии уже увидели свет «Автобиография» (*Lebensgeschichte*) этого мыслителя, его «Комментарий к “Путеводителю заблудших” Моисея Маймонида» (*Kommentar zum Maimonides „Führer der Unschlüssigen“*), а также, отдельным томом, его «Критические исследования о человеческом уме, или высшей способности познания» (*Kritische Untersuchungen über den menschlichen Geist oder das höhere Erkenntnis- und Willensvermögen*). По данным С. М. Якерсона, ответственного редактора серии, сейчас к изданию готовится Маймонова «Логика» (*Versuch einer neuen Logik*). Интересно, что уже в общих рамках упомянутой серии, судя по переплетам входящих в нее книг, имеет место особый ряд – это «Философские труды» Соломона Маймона, первый том которых и составляет рецензируемая публикация, а второй – «Критические исследования...».

¹ Санкт-Петербургский государственный университет.
199034 Санкт-Петербург, Россия
Поступила в редакцию: 26.03.2018 г.
doi: 10.5922/0207-6918-2018-2-7
© Паткуль А. Б., 2018

ON RECENT RUSSIAN TRANSLATIONS OF SALOMON MAIMON'S WORKS

A. B. Patkul¹

Review: Solomon Maimon, *Philosophical Works*.
Volume 1: An Essay on Transcendental Philosophy,
translated from German by G. Gimelshtein,
I. Mikirtumov; edited by A. Ivanenko;
Forays in the Field of Philosophy,
translated from German by A. Ivanenko.
St. Petersburg: Gumanitarnaya Akademiya,
2017, 499 pp.

Last year, the publishing house *Gumanitarnaya Akademiya* released a volume of translations of Salomon Maimon's (circa 1753–1800) major works on theoretical philosophy. The book contains an informative yet concise introduction by A. A. Ivanenko, titled “Salomon Maimon the Sceptic.” The *Essay on Transcendental Philosophy* (*Versuch über die Transcendentalphilosophie*) was translated by G. Gimelshtein and I. Mikirtumov and edited by A. Ivanenko. The lesser-known work, *Forays in the Field of Philosophy* (*Streifereien im Gebiete der Philosophie*), was translated by A. Ivanenko. The professional and accurate translations have made Maimon's non-trivial thought available to a wider of readership.

The volume is the second book in the “Legacy of Solomon Maimon” series, the first instalment of which contained Maimon's *Autobiography* (*Lebensgeschichte*) and the *Commentary on Maimonides' Guide for the Perplexed* (*Kommentar zum Maimonides „Führer der Unschlüssigen“*). The *Critical Investigations on the Human Mind, or the Highest Faculty of Knowledge and Will* (*Kritische Untersuchungen über den menschlichen Geist oder das höhere Erkenntnis- und Willensvermögen*) appeared in a separate volume. According to S. M. Iakerson, the general editor of the series, the next volume will be Maimon's *Logic* (*Versuch einer neuen Logik*). The covers of the books in the series suggest that it is divided into two sub-series – *Critical Investigations and Philosophical Works*, the first volume of which is here under review.

¹ Saint-Petersburg State University, Mendeleyevskaya Liniya
5, 199034 Saint-Petersburg, Russia.
Received: 26.03.2018.
doi: 10.5922/0207-6918-2018-2-7
© Patkul A. B., 2018.

Активизация переводов и публикации трудов мыслителя, долгое время рассматривавшегося в качестве своеобразного и уже почти забытого переходного звена в истории ранней рецепции идей Канта и подготовившего своей критикой идей великого кёнигсбернца трансформацию трансцендентальной философии в более радикальные версии идеализма, не может не радовать. Хочется выразить надежду на то, что этот процесс будет способствовать интенсификации исследований философских находок Маймона, равно как и переосмыслению их значения для восприятия и оценки ключевых положений кантовской философии и для формирования последующей истории трансцендентальной мысли вплоть до неокантианства и феноменологии.

В самом деле, уже работы, опубликованные в рецензируемом томе «Наследия Соломона Маймона», дают для этого веские основания, часть которых стоит акцентировать в данной рецензии.

Во-первых, обращает на себя внимание то, что тенденция мышления Маймона направлена на последовательное сближение чувственности и мышления, на преодоление того трансцендентального различия, которым они разделены у Канта. Автор «Опыта...», пользуясь весьма характерной для него формулировкой «Я согласен с г-ном Кантом, но...», в частности, заявляет, что пространство и время «имеют свое основание в общих формах нашего мышления вообще» (с. 32). «Время и пространство являются настолько же понятиями, насколько и созерцаниями, и последние предполагают первые» (с. 33). И хотя слова Маймона могут быть истолкованы различно, в них уже проглядывает та склонность к редукции своеобразия пространства и времени как форм именно созерцания к понятийной стихии, соответственно, к логике, что станет мейнстримом уже в более поздних идеалистических учениях. При этом Маймон считает «логические формы вместе с условиями их употребления (заданные отношения объектов друг с другом) условиями самого восприятия» (с. 146) и отличает их от условий опыта.

Во-вторых, конечно же, невозможно пройти мимо ключевого для теоретической философии С. Маймона понятия *дифференциала объектов*. В известном смысле именно в нем сосредотачивается та критика кантовского понятия вещи самой по себе, которой автор «Опыта...» придал весьма своеобразное направление. Понятие дифференциала объектов появляется у него в связи с описанием работы рассудка и особенностей его отношения с другими способностями. Согласно Маймону, «чувственность предоставляет дифференциалы для определенного сознания; способность воображения создает из этого конечный (определенный) объект созерцания; рассудок производит из этих конечных дифференциалов, которые являются его объектами, соотношение возникающих из них чувственных объектов» (с. 41). Конструкция Маймона в

One cannot but welcome the translations of the works of a thinker who was long viewed as an original but almost forgotten transitional link in the history of early receptions of Kant's ideas. Maimon's critique of the great Königsbergian philosopher was considered a forerunner of the transformation of transcendental philosophy towards more radical versions of idealism. I hope that the new editions will invigorate studies into Maimon's philosophical findings and encourage a revision of his contribution to the perception and evaluation of the key Kantian ideas and to further developments in the history of transcendental thought all the way up to Neo-Kantianism and phenomenology.

In fact, the works published in this volume of "The Legacy of Solomon Maimon" series already give good reasons to believe that this hope will be realised. Some of these reasons will be emphasised in this review.

Firstly, it is noteworthy that Maimon's works evolve towards a gradual convergence between sensibility and understanding and towards the overcoming of the transcendental division found in Kant. Using his trademark phrasing "I agree with Herr Kant, but..." Maimon wrote that space and time "have their ground in the universal forms of our thought in general" (Maimon, 2010, p. 13). He maintained that "Space and time are as much concepts as intuitions, and the latter presuppose the former" (*ibid.*, p. 14). Although Maimon's words allow different interpretations, they already reveal his propensity to reduce the essence of space and time as the forms of intuition to elements of concepts and, thus, to logic. This tendency will become mainstream in later idealistic doctrines. At the same time, Maimon considers that "logical forms, along with the conditions of their use (given relations of objects to one another), are conditions of perception itself" (*ibid.*, p. 114) and thus distinguishes them from the conditions of experience.

Secondly, the concept of the *differential of objects* is central to Maimon's theoretical philosophy. In a way, this concept is the essence of the philosopher's original critique of Kant's thing in itself. The concept of the differential of objects is found in the descriptions of how understanding functions and how it relates to the other faculties. According to Maimon, "Sensibility thus provides the differentials to a determined consciousness; out of them, the imagination produces a finite (determined) object of intuition; out of the relations of these different differentials, which are its objects, the understanding produces the relation of the sensible objects arising from them" (*ibid.*, p. 21). The construction Maimon built is very intricate and deserves a separate study that requires a comparison with later works on transcendental philosophy. At this point, it is possible

данном случае довольно замысловата, она, вне всякого сомнения, потребует отдельного исследования и осмысления, причем и в этом случае в сопоставлении, насколько это возможно, с более поздними образцами трансцендентальной философии. Здесь же пока можно указать на то, что философ недвусмысленно объявляет конечные дифференциалы объектами рассудка, еще больше усиливая тем самым представление о его функциональном характере. При этом, по словам Маймона, «дифференциалы объектов есть так называемые noumena, а возникающие из них объекты — phänomene (sic! — А. П.)» (с. 41), что трансформирует радикальным образом трактовку соотношения понятий ноумена и феномена, свойственную классическому кантовскому трансцендентализму, едва ли не транспонируя ее в диалектическую тональность.

С этим, *в-третьих*, связана примечательная трансформация трактовки сущности и статуса *идей*, осуществленная Маймоном, которая также требует подробного анализа и взвешенной оценки. Так, согласно автору «Опыта...», «эти noumena являются идеями разума, которые служат принципами для объяснения возникновения (курсив мой. — А. П.) объектов согласно определенным правилам рассудка» (с. 42). Философ считает, что идея разума — это «формальная полнота понятия» (с. 69). Но особенность концепции Маймона состоит в том, что, в отличие от Канта и во многом вопреки ему, он допускает наряду с идеями разума, как бы конкретно они ни трактовались, также и *идеи рассудка*. От идей разума, с точки зрения Маймона, они отличаются тем, что представляют собой не формальную полноту понятия, но его *материальную полноту*. «Материальная полнота понятия, поскольку эта полнота не может быть дана в созерцании, есть идея рассудка», — пишет мыслитель (с. 66). Особенность идеи рассудка состоит в том, что для него в созерцании может быть показана возможность его правила, а стало быть, его собственная возможность. Но в его случае «материальная полнота (многообразия) не может быть дана в созерцании» (Там же). «Поэтому, — продолжает Маймон, — оно [это понятие] не является понятием рассудка, которому соответствует объект, но есть лишь идея рассудка, к которой можно бесконечно приближаться в созерцании... и, следовательно, представляет собой пограничное понятие» (Там же). Признанием идей рассудка объясняется также и то, что философ обнаруживает антиномичность мышления не только в сфере метафизики, «но также в физике и даже в самой ясной из всех наук, а именно в математике...» (с. 153).

В-четвертых, весьма специфическую модификацию получает у Маймона и критическое учение о Я. Особенно хорошо это заметно по «Краткому обзору всего трактата» (*Kurze Uebersicht des ganzen Werkes*), в котором подводятся итоги изложения «Опыта...». Здесь мы сталкиваемся с трактовкой Я как *чистого априорного созерцания*, декларируемой Маймоном в

to say that Maimon considered finite differentials as objects of understanding and thus reinforced the idea about its functional nature. Moreover, “These differentials of objects are the so-called *noumena*; but the objects themselves arising from them are the *phenomena*” (*ibid.*, p. 21). This way, he boldly transformed the classical Kantian transcendentalist interpretation of the noumenon and phenomenon and gave it an almost dialectic twist.

Thirdly, the overhaul Maimon gave to the interpretation of the essence and status of *ideas* warrants a thorough analysis and evaluation. “These *noumena* are ideas of reason serving as principles to explain how objects *arise* according to certain rules of the understanding” (second italics added — A. P.) (*ibid.*, pp. 21-22). The philosopher believed that ideas of reason equalled “the formal completeness of the concept” (*ibid.*, p. 44). Unlike, and to a degree contrary to, Kant, Maimon assumes the existence of *ideas of the understanding* alongside that of ideas of reason, no matter how broadly the latter are interpreted. According to the philosopher, ideas of the understanding differ from ideas of reason in that the former are associated with the material rather than formal completeness of a concept. “An idea of the understanding is the material completeness of a concept, insofar as this completeness cannot be given in intuition” (*ibid.*). For an idea of the understanding, the possibility of a rule dictated by the understanding to itself, and thus the possibility of the understanding itself, can be shown in intuition. However, “its material completeness (completeness of the manifold) cannot be given in intuition” (*ibid.*). “So,” Maimon continues, “this concept is not a concept of the understanding to which an object corresponds, but only an idea of the understanding, something that we can come infinitely close to in intuition [...], and consequently a limit concept” (*ibid.*, p. 45). The recognition of ideas of the understanding explains why the philosopher saw antinomies not only in metaphysics “but also in physics, and even in the most self-evident of all sciences, mathematics” (*ibid.*, p. 119).

Fourthly, Maimon presented a rather peculiar modification of the critical doctrine of the *I*. His ideas are expressed most evidently in the “Short Overview of the Whole Work” (*Kurze Uebersicht des ganzen Werkes*). In the overview, Maimon interprets the *I* as a *pure a priori intuition* that serves as an alternative to Kant’s understanding of the *I* as the object of psychology and, as Maimon puts it, as “a representation empty of content” (*ibid.*, p. 110) Maimon formulates his position as follows: “I maintain that the *I* is a *pure a priori* intuition accompanying all our representations, although we cannot assign any distinguishing marks to this in-

качестве альтернативы кантовскому истолкованию *Я* как предмета психологии в смысле, как он выражается, представления самого по себе, по своему содержанию пустого (с. 142). Свою позицию мыслитель формулирует следующим образом: «Я же, напротив, считаю *Я* чистым созерцанием *a priori*, которое сопровождает все наши представления, хотя мы уже не можем указать никаких признаков этого созерцания, ибо оно является простым» (Там же). Признание того, что *Я* является созерцанием, приводит Маймона к выводу о том, что к *Я* вполне обоснованно может быть применена категория субстанции. Соответственно, критике у Маймона подвергается и кантовский психологический паралогизм. Показательным здесь является не только расхождение Маймона с Кантом, но также и его предвосхищение связывания *Я* с созерцанием (пусть и интеллектуальным) в позднейшем немецком идеализме. Хотя, очевидно, выводы из этого сближения, к которым приходит Маймон, весьма отличны от тех положений о существе *Я*, которые мы можем найти, например, у Фихте.

Наконец, *в-пятых*, стоит отметить и переформулировку Маймоном ведущего вопроса трансцендентального исследования у Канта, поскольку это смещение может оказаться весьма значимым в контексте последующего развития такого типа философии. Говоря более определенно, можно утверждать, что автор «Опыта...» считает важным поставить вопрос не только о *quid juris*, но и о *quid facti*, прежде всего относительно применения рассудочных форм². Этот вопрос, по мнению Маймона, «применительно к дедукции категорий... имеет большую важность» (с. 64). А именно, при употреблении формы суждения «мы должны, прежде чем придать ей реальность в качестве формы мышления в логике, убедиться в несомненности самой реальности ее употребления, и не в силу того, употребляем ли мы ее по праву, что является ответом на вопрос о *quid juris*, а вследствие того, является ли также истинным сам факт, употребляем ли мы ее в отношении действительных предметов» (с. 64–65). Таким образом, очевидно, что Маймон может быть причислен к пионерам концептуализации и разработки понятия фактичности в рамках трансцендентальной философии.

Так или иначе, не вызывает сомнений то, что публикация переводов трудов Соломона Маймона — как в указанном томе, так и в других томах серии «Наследие Соломона Маймона» — событие для русскоязычного философского сообщества замечательное. Хочется выразить пожелание как можно скорее увидеть последующие издания, подготовленные в рамках этого проекта, тем более что, судя по уже опубликованным в данной серии томам, входящие в нее книги отличает удачное оформление и качественная печать, благодаря чему работа с ними представляет и будет представлять собой истинное удовольствие для истинных ценителей трансцендентальной философии.

² Ср. также в этой связи размышления, изложенные во вступительной статье А. А. Иваненко ко всему тому.

tuition because it is simple" (*ibid.*, pp.110-111). In identifying the *I* with an intuition, Maimon acknowledged that the *category of substance* could be applied to the *I*. Maimon attacked Kant's psychological paralogism. The philosopher did not only reject Kant's ideas but he also anticipated the connection between the *I* and the (intellectual) intuition characteristic of later German idealism. However, Maimon's conclusions are very different from those made by Fichte in a similar context.

Fifthly, Maimon formulated the central question of transcendental studies differently than Kant did. The resultant shift may seem very significant if one looks at the further development of transcendental philosophy. In particular, Maimon held it important to consider not only the problem of *quid juris* but also that of *quid facti*, particularly, as regards the application of the forms of the understanding.² The philosopher believed this problem "to be of great importance with respect to the deduction of the categories" (*ibid.*, p. 42). Concerning the application of the form of the judgement, he wrote: "we must put the reality of its use beyond doubt before ascribing reality to it as a form of thought in logic; but the question is not whether we can use it legitimately, which is the question: *quid juris?*, but whether the fact is true, namely that we do use it with actual objects" (*ibid.*). Therefore, Maimon can legitimately be called a pioneer of the conceptualisation and development of facticity in transcendental philosophy.

No doubt, the publication of the translations of Salomon Maimon's works — in the volume under review and the other instalments of the "Legacy of Salomon Maimon" series — is a remarkable event for the Russophone philosophical community. I am looking forward with anticipation to the project's next editions. The books already published are very well produced and they will be a pure delight to work with for the true connoisseurs of transcendental philosophy.

References

Maimon, S., 2010. *Essay on Transcendental Philosophy*. Translated by N. Midgley, H. Somers-Hall, A. Welchman and M. Reglitz. New York: Continuum International Publishing Group.

Maimon, S., 2017. *Filosofskie trudy. T. 1: Opyt transcendental'noy filosofii* [Philosophical Works. Volume 1: An Essay on Transcendental Philosophy], translated from German by G. Gimelshtein, I. Mikirtumov; edited by A. Ivanenko; *Nabegi na oblast' filosofii* [Forays in the Field of Philosophy], translated from German by A. Ivanenko. St. Petersburg: Gumanitarnaya Akademiya.

² See A. A. Ivanenko's introduction to the volume.

Список литературы

Маймон С. Философские труды. Т. 1 : Опыт о трансцендентальной философии / пер. с нем. Г. Гимельштейна, И. Микиртумова ; под общ. ред. А. Иваненко ; Набег на область философии / пер. с нем. А. Иваненко. СПб. : ИЦ «Гуманитарная академия», 2017. 499 с. (Наследие Соломона Маймона ; кн. II).

Об авторе

Андрей Борисович Паткуль, кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры онтологии и теории познания Института философии, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия.

E-mail: a.patkul@spbu.ru

Для цитирования:

Паткуль А. Б. О недавних русских переводах работ Соломона Маймона // Кантовский сборник. 2018. Т. 37, № 2. С. 96–100. Рец. на кн.: Маймон С. Философские труды. Т. 1: Опыт о трансцендентальной философии / пер. с нем. Г. Гимельштейна, И. Микиртумова; под общ. ред. А. Иваненко; Набег на область философии / пер. с нем. А. Иваненко. СПб.: ИЦ «Гуманитарная академия», 2017. 499 с. (Наследие Соломона Маймона; кн. II). doi: 10.5922/0207-6918-2018-2-7.

The author

Dr Andrei B. Patkul, Senior Lecturer, Department of Ontology and Epistemology, Institute of Philosophy, Saint-Petersburg State University, Russia.

E-mail: a.patkul@spbu.ru

To cite this article:

Patkul, A. B., 2018. On Recent Russian Translations of Salomon Maimon's Works (Rev.: Solomon Maimon, *Filosophskie trudy. T. 1: Opyt transcendental'noy filosofii*, translated from German by G. Gimelshtein, I. Mikirtumov; edited by A. Ivanenko; *Nabegi na oblast' filosofii*, translated from German by A. Ivanenko. St. Petersburg: Gumanitarnaya Akademiya, 2017, 499 pp.). *Kantian Journal*, 37(2), pp. 96-100. <http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2018-2-7>.